

УДК 32.019.5

DOI: 10.34670/AR.2026.97.16.011

Политический миф: онтологический статус, функции и социально-психологические детерминанты генезиса

Потанин Станислав Сергеевич

Аспирант,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, Московский просп., 143;
e-mail: potaninstanislavsergeevich@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена комплексному междисциплинарному анализу генезиса и функционирования политического мифа. Автор аргументирует необходимость смещения исследовательского фокуса с верифицируемости мифологического нарратива на его прагматическую функцию внутри социальной группы. На философском уровне политический миф концептуализируется как инструмент преодоления экзистенциальной тревоги посредством конструирования онтологической значимости в противовес хаосу реальности. На социально-психологическом уровне данный процесс эксплицируется через механизмы компенсации ценностно-смыслового дефицита: перманентный поиск субъектом социальной значимости и потребность в когнитивном закрытии. Раскрывается дуалистическая природа политического мифа, обеспечивающего психологическую выживаемость группы, но одновременно выступающего катализатором деструктивных политических процессов.

Для цитирования в научных исследованиях

Потанин С.С. Политический миф: онтологический статус, функции и социально-психологические детерминанты генезиса // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 96-101. DOI: 10.34670/AR.2026.97.16.011

Ключевые слова

Политический миф, социальная значимость, модель поддержания смысла, социополитическая скорбь, онтологическая значимость, когнитивная ригидность, групповая идентичность, экзистенциальная тревога.

Введение

Политическая мифология — неотъемлемый элемент конструирования социальной реальности. На сегодняшний день существует обширный пласт исследовательской литературы, посвященный анализу природы и механизмов функционирования политического мифа. Философы, социологи, психологи и политологи расставляют различные акценты в своих изысканиях, выделяя определённые, кажущиеся им наиболее важными аспекты феномена. Подобная междисциплинарная вариативность демонстрирует многогранность и сложность изучаемого объекта.

В то время как одни теоретики уделяют приоритетное внимание пропагандистским функциям мифа, другие концентрируются на каузальном аспекте проблемы, стремясь определить эмпирическую реальность, стоящую за возникновением мифа. Третья группа исследователей подходит с позиций социальной психологии, анализируя когнитивные детерминанты веры социальных групп в мифологические конструкторы. Безусловно, мотивы мифотворцев и специфика восприятия аудитории не могут быть выяснены с абсолютной эмпирической точностью, однако возможная интерпретативная модель представляется осуществимой при опоре на социальный контекст и фиксацию дискурсивных практик акторов.

Специфика функционирования политического мифа заключается в его дуалистической природе. Миф функционирует в качестве сакрального знания для интруппы, наделяющей его статусом неоспоримой истины. Напротив, для представителей аутгруппы данный нарратив маркируется как чистый вымысел, вследствие чего его прагматические и идеологические функции аннулируются за пределами конкретного социального контекста. Помимо вопроса об истинности мифа, важен вопрос полноты фактического изложения событий. Воспроизводитель политического мифа принимает стратегическое решение о том, какие причинно-следственные связи необходимо эксплицировать, какие факты опустить, на каких сделать особый акцент. Исходя из этого, можно сделать вывод, каким событиям отдаётся предпочтение. Существенным показателем взглядов мифотворца также будет подбор слов и конструкции повествования. В работе с политической мифологией важны не столько факты, сколько их интерпретации и то онтологическое значение, которое им приписывается [Ceglarska, 2018].

Данные процессы разворачиваются в поле взаимодействия мифа и идеологии. Существующие в обществе нормативные представления о структуре и генезисе человеческого сообщества накладывают глубокий отпечаток на повествование о прошлом и будущем. В то же время сами нормативные представления общества находятся под влиянием нарративов. В рамках политологического подхода Кристофера Флада любое идеологически маркированное повествование потенциально способно трансформироваться в политический миф, если оно транслируется релевантным образом внутри комплементарно настроенной аудитории и в соответствующих исторических обстоятельствах [Flood, 2002].

Тем не менее, несмотря на разработанность указанных подходов, механизмы, связывающие философские основания мифотворчества с микроуровневыми когнитивно-психологическими потребностями индивида, до сих пор остаются концептуально разобщёнными. Настоящая статья представляет собой попытку преодоления данного теоретического разрыва.

Основная часть

Определений у политического мифа существует несколько. Например, британский политолог Кристофер Флад предлагает рассматривать политический миф как «идеологически

окрашенный нарратив, претендующий на истинное изображение прошлых, настоящих или предсказываемых политических событий и принимаемый за истинный определенной социальной группой» [Flood, 2002, с.44].

Итальянская исследовательница Кьяра Боттичи, критикуя акцент на истинности в определении Флада, предлагает своё: «Политический миф – это работа над общим нарративом, с помощью которого члены социальной группы (или общества) придают значимость своему опыту и действиям» [Bottici, 2010, с.133].

Боттичи убирает вопрос об истинности из определения, смещая внимание на то, какую роль миф выполняет в социальной группе. Исследовательница опирается на философскую мысль Ханса Блуменберга, определяя миф как непрерывный процесс разработки; политический миф никогда не обретает финальную форму, он постоянно адаптируется, пересказывается и обновляется группой для встраивания в новый контекст.

В определении также выделяется феномен значимости. Философская конструкция Блуменберга основывается на концепции «абсолютизма реальности», как исходного состояния человека [Blumenberg, 1988, с.3]. Под абсолютизмом реальности Блуменберг понимал хаотичную, безразличную неопределённость, в которой человек ощущает свою беспомощность. Функция мифа, в таком случае, заключалась в создании дистанции от этого ужаса через название вещей, создание богов и нарративов [Bottici, 2010, с.119]. Значимость делает вещи, с которыми мы взаимодействуем внутри мира, менее безразличными к нам [Kierke, 2019, с.4]. Политические мифы придают реальности социальной группы связность и направленность. Мифы рассказывают нам о зарождающейся цивилизации, истории и традициях, а также об общественном порядке, конституциях и зачатках самого права [Ceglarska, 2018].

Классической иллюстрацией прагматического конструирования реальности выступает анализируемый Боттичи политический миф о бинарном противостоянии «Запада» и «Востока» (в частности, в рамках дискурса о «столкновении цивилизаций»). С точки зрения исследовательницы, «Запад» и «Восток» функционируют в современном дискурсе не столько в качестве объективных географических или культурных измерений, сколько в качестве социальных конструкторов и политических мифов [Bottici, 2014]. В периоды глобальной нестабильности этот миф освобождает социальные группы от бремени столкновения со сложной, многогранной реальностью. Нарратив о противостоянии «Запада» и «Востока» упорядочивает хаос, задаёт жесткие рамки ингрупповой идентичности и превращает разрозненный поток международных событий в понятную, мифологизированную, ценностную драму.

Экзистенциальный тупик, возникающий при столкновении с «абсолютизмом реальности», вклинивается в повседневность в периоды острых социальных изменений. В периоды социальных кризисов, люди испытывают чувство неуверенности и амбивалентности, что порождает необходимость в социальной сплоченности и восстановлению системы смыслов [Till et al., 2025; Proulx et al., 2006]. Ситуация кризиса становится тем моментом, когда политическая мифология распространяется и усваивается наиболее интенсивно.

Ситуация эпистемического хаоса, момент, когда происходит разрушение системы социальных верований и установок, вызывает коллективную психологическую травму, которую Дарси Харрис концептуализирует как социополитическую скорбь (sociopolitical grief) [Harris, 2025]. Данный феномен представляет собой глубокую аффективную и когнитивную реакцию субъекта на утрату стабильных институциональных ориентиров и крах прежде легитимных ценностных систем. В условиях социополитической скорби «абсолютизм реальности» материализуется в переживании бессилия перед лицом дестабилизированного социального

порядка.

Будучи формой ценностно-смыслового дефицита, социополитическая скорбь выступает триггером для запуска компенсаторных систем. Ощущение утраты экзистенциальной опоры формирует запрос на поиск значимости (Quest for Significance) по Ари Круглянски — стремление индивида восстановить свою ценность и осмысленность существования [Kruglanski, 2022]. Этот процесс протекает параллельно с ростом потребности в когнитивном закрытии (cognitive closure), заставляющим субъект искать безальтернативные, недвусмысленные объяснения хаоса ради избавления от когнитивного напряжения [Webster, Kruglanski, 1994].

На стыке этих процессов активируются защитные системы психики, описываемые моделью поддержания смысла (MMM) [Proulx et al., 2006] и теорией управления страхом смерти (TMT) [Pyszczynski, Wagoner, 2025]. Политический миф здесь выступает ключевым защитным конструктом: он реанимирует пошатнувшееся групповое мировоззрение, усиливает трайбализм и внутригрупповую социальную привязанность. Однако оборотной стороной этого процесса становится радикализация мышления. Стремление защитить мифологизированную картину мира от любой двусмысленности с одной стороны является следствием, но в то же время и формирует когнитивную ригидность и доктринальный тип мышления [Zmigrod, 2022], порождая индивидуальный и коллективный ресентимент к внешним группам. Это приводит к радикальным политическим действиям, например, дегуманизации и последующему политическому насилию [Потанин, 2026].

Заключение

Таким образом, функционирование политического мифа отражает перманентную динамическую сторону человеческого существования, направленную на преодоление «абсолютизма реальности». Запрос на смысл и структурирование хаоса является непрекращающимся свойством человеческой психики, и этот дефицит постоянно утоляется посредством интернализации мифологических нарративов.

Однако в периоды острых социальных трансформаций данный процесс резко обостряется. Эпистемическая неопределенность и переживание социополитического горя требуют немедленной когнитивной и эмоциональной компенсации, что решается путём более интенсивной интеграции политических мифов в коллективное сознание.

При этом жизнеспособность конкретного мифа и степень его укоренения в сознании индивидов напрямую зависит от комплекса факторов: например, социализации и уровня когнитивной ригидности. Предрасположенность к доктринальному мышлению выступает главным предиктом того, насколько прочно мифологический конструкт будет принят в качестве абсолютной истины.

В этом обнаруживается амбивалентность исследуемого феномена. С одной стороны, политический миф выступает эффективным адаптационным и защитным механизмом, купирующим экзистенциальные тревоги и стабилизирующим картину мира социальной группы. С другой стороны, эта терапевтическая функция может приводить к деструктивным последствиям. Интенсивная мифологизация, сопряженная с потенциальной дегуманизацией аутгрупп и радикализацией ингруппового трайбализма, неизбежно превращает политический миф в латентный источник будущих политических катастроф. Несмотря на сиюминутную когнитивную безопасность, в долгосрочной перспективе мифологическое сознание может стать источником и легитиматором радикализма и насилия.

Библиография

1. Потанин С.С. Функция дегуманизации в политических мифах / С.С. Потанин // Теории и проблемы политических исследований. — 2026. — Т. 15. — № 3А. — С. 17-22.
2. Blumenberg H. Work on Myth / H. Blumenberg. — Cambridge: MIT Press, 1988. — 685 p.
3. Bottici C. A Philosophy of Political Myth / C. Bottici. — New York: Cambridge University Press, 2010. — 290 p.
4. Bottici C. Imaginal Politics: Images Beyond Imagination and the Imaginary / C. Bottici. — New York: Columbia University Press, 2014. — 256 p.
5. Ceglarska A. The Role of Myth in Political Thought / A. Ceglarska // Krakowskie Studia z Historii Państwa i Prawa. — 2018. — Vol. 11. — № 3. — P. 343-355.
6. Flood C. Political Myth / C. Flood. — New York: Routledge, 2002. — 224 p.
7. Harris D. An exploration of sociopolitical grief / D. Harris // Mortality. — 2025. — Vol. 30. — № 1. — P. 1-15.
8. Kirke X. Hans Blumenberg: Myth and Significance in Modern Politics / X. Kirke. — Cham: Palgrave Macmillan, 2019. — 241 p.
9. Kruglanski A.W. Significance-Quest Theory / A.W. Kruglanski // Perspectives on Psychological Science. — 2022. — Vol. 17. — № 4. — P. 1050-1071.
10. Proulx T. Death and Black Diamonds: Meaning, Mortality and the Meaning Maintenance Model / T. Proulx, S.J. Heine // Psychological Inquiry. — 2006. — Vol. 17. — No. 4. — P. 309-318.
11. Pyszczynski T. A terror management theory perspective on tribalism / T. Pyszczynski, J. Wagoner // The Tribal Mind and The Psychology of Collectivism / ed. by J.P. Forgas. — New York: Routledge, 2025. — P. 47-69.
12. Till F.J. Social Identification in Times of Crisis: How Need to Belong, Perspective Taking, and Cognitive Closure Relate to Changes in Social Identification / F.J. Till, J. Heimrich, S.B. Frenzel et al. // Journal of Applied Social Psychology. — 2025. — Vol. 55. — Iss. 1. — P. 38-51.
13. Webster D.M. Individual Differences in Need for Cognitive Closure / D.M. Webster, A.W. Kruglanski // Journal of Personality and Social Psychology. — 1994. — Vol. 67. — No. 6. — P. 1049-1062.
14. Zmigrod L. A Psychology of Ideology: Unpacking the Psychological Structure of Ideological Thinking / L. Zmigrod // Perspectives on Psychological Science. — 2022. — Vol. 17. — Iss. 4. — P. 1072-1092.

Political Myth: Ontological Status, Functions, and Socio-Psychological Determinants of Genesis

Stanislav S. Potanin

Postgraduate Student,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: potaninstanislavsergeevich@gmail.com

Abstract

The article is devoted to a comprehensive interdisciplinary analysis of the genesis and functioning of the political myth. The author argues for the need to shift the research focus from the verifiability of the mythological narrative to its pragmatic function within a social group. At the philosophical level, the political myth is conceptualized as a tool for overcoming existential anxiety through the construction of ontological significance in opposition to the chaos of reality. At the socio-psychological level, this process is explicated through the mechanisms of compensation for value-semantic deficit: the subject's permanent search for social significance and the need for cognitive closure. The dualistic nature of the political myth is revealed, which ensures the psychological survival of the group but simultaneously acts as a catalyst for destructive political processes.

For citation

Potantin S.S. (2026) Politicheskii mif: ontologicheskii status, funktsii i sotsial'no-psikhologicheskie determinanty genezisa [Political Myth: Ontological Status, Functions, and Socio-Psychological Determinants of Genesis]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 96-101. DOI: 10.34670/AR.2026.97.16.011

Keywords

Political myth, social significance, meaning maintenance model, sociopolitical grief, ontological significance, cognitive rigidity, group identity, existential anxiety.

References

1. Blumenberg, H. (1988). *Work on Myth*. MIT Press.
2. Bottici, C. (2010). *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge University Press.
3. Bottici, C. (2014). *Imaginal Politics: Images Beyond Imagination and the Imaginary*. Columbia University Press.
4. Ceglarska, A. (2018). The Role of Myth in Political Thought. *Krakowskie Studia z Historii Państwa i Prawa*, 11(3), 343-355.
5. Flood, C. (2002). *Political Myth*. Routledge.
6. Harris, D. (2025). An exploration of sociopolitical grief. *Mortality*, 30(1), 1-15.
7. Kirke, X. (2019). Hans Blumenberg: Myth and Significance in Modern Politics. Palgrave Macmillan.
8. Kruglanski, A.W. (2022). Significance-Quest Theory. *Perspectives on Psychological Science*, 17(4), 1050-1071.
9. Potantin, S.S. (2026) Funktsiya degumanizatsii v politicheskikh mifakh [The Function of Dehumanization in Political Myths]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 15(3A), 17-22.
10. Proulx, T., & Heine, S.J. (2006). Death and Black Diamonds: Meaning, Mortality and the Meaning Maintenance Model. *Psychological Inquiry*, 17(4), 309-318.
11. Pyszczynski, T., & Wagoner, J. (2025). A terror management theory perspective on tribalism. In J.P. Forgas (Ed.), *The Tribal Mind and The Psychology of Collectivism* (pp. 47-69). Routledge.
12. Till, F.J., Heinrich, J., Frenzel, S.B., et al. (2025). Social Identification in Times of Crisis: How Need to Belong, Perspective Taking, and Cognitive Closure Relate to Changes in Social Identification. *Journal of Applied Social Psychology*, 55(1), 38-51.
13. Webster, D.M., & Kruglanski, A.W. (1994). Individual Differences in Need for Cognitive Closure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(6), 1049-1062.
14. Zmigrod, L. (2022). A Psychology of Ideology: Unpacking the Psychological Structure of Ideological Thinking. *Perspectives on Psychological Science*, 17(4), 1072-1092.